

ИСТОРИЯ

ОКТАБРЬСКИЙ (1964 г.) ПЛЕНУМ И СУДЬБА СТРАНЫ

Л.М. Млечин*

Аннотация: Анализируются события, предшествовавшие смещению Н.С. Хрущева с ключевых постов на Октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС, роль ряда первых лиц СССР в этом событии. Уделено внимание социальной ситуации и международной политике страны в тот период.

Ключевые слова: Хрущев, Брежнев, Суслов, Косыгин, Микоян, Семичастный.

Annotation: The article analyzes the events directly preceding the removal of Nikita Khrushchev from the position of the First Secretary of the CC of the CPSU at the October (1964) Prenum of the CC, as well as the roles of a number of the first persons of the USSR in that development. An attention is paid to the socio-economic situation in the country and the international policies of the Soviet Union at the time.

Key words: Khrushchev, Brezhnev, Suslov, Kosygin, Mikoyan, Semichastny.

13 октября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев прилетел в Москву из Пицунды, где он отдыхал. В правительственном аэропорту Внуково-2 его встречал председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Спустившись по трапу, Хрущев хмуро спросил:

– Где остальные?

– В Кремле.

Никита Сергеевич уточнил:

– Они уже обедали?

– Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев не догадывался, что Семичастный приехал в аэропорт не только по долгу службы. Товарищи по партийному руководству, которые решили отстранить Хрущева от власти, поручили председателю КГБ важную мис-

**Леонид Михайлович Млечин*, писатель, историк, журналист, телеведущий и кинодокументалист.

сию: заменить личную охрану первого секретаря ЦК и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий.

Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался хозяином страны, и его боялись. Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева – не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Леонида Ильича, сильно сомневались, что он мог такое сказать – не в его характере.

По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он заплакался и с ужасом повторял:

– Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй. Семичастный приказал управлению военной контрразведки и в первую очередь особистам Московского военного округа незамедлительно информировать его даже о незначительных передвижениях войск.

Ни о чем пока не подозревавший Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль и прошел в свой кабинет. В половине четвертого дня началось заседание президиума ЦК. Хрущев, недовольный, что ему сорвали отдых, поздоровался и спросил:

– Ну, что случилось?

Сел в председательское кресло и повторил:

– Кто будет говорить? В чем суть вопроса?

Он еще ощущал себя хозяином. Не подозревал, что его политическая карьера уже закончилась и впереди только пенсия, тоска и забвение.

Заседание президиума ЦК КПСС, на котором решилась судьба Никиты Сергеевича, прошло накануне, 12 октября 1964 года. Присутствовали все, кто работал в Москве. Отсутствовали члены президиума от национальных республик – их еще не вызвали с мест. И не было самого Хрущева – он наслаждался хорошей погодой в Пицунде со своим первым заместителем в правительстве Анастасом Ивановичем Микояном. Никита Сергеевич выдвигал молодежь и руководство формировал из людей младше себя по возрасту, но в личном общении комфортнее всего чувствовал себя с Микояном. Они не только были практически ровесниками, их связывали многие годы работы еще при Сталине.

12 октября, в отсутствие первого секретаря ЦК КПСС, председательское кресло занял Леонид Ильич Брежнев. По словам очевидцев, Брежнев сильно волновался. Да и вообще в зале ощущались нервозность и, пожалуй, страх. Заседание нельзя было назвать обычным. Члены президиума ЦК собрались,

чтобы осуществить давний замысел – избавиться от Хрущева. Бесконечные закулисные переговоры шли многие месяцы. Но 12 октября они собрались не таясь, официально. Что обсуждали на заседании президиума?

Под каким предлогом пригласить Хрущева в Москву, чтобы он ни о чем не догадался и не предпринял контрмер. Это первое. А второе – прикидывали, как повести разговор с Хрущевым, кто в какой последовательности будет выступать и что именно скажет. Высказывались в основном Брежнев и другие влиятельные в партийном руководстве фигуры – секретари ЦК Николай Викторович Подгорный, Андрей Павлович Кириленко и Александр Николаевич Шелепин.

Решили, что почти сразу надо предоставить слово первому секретарю ЦК компартии Украины Петру Ефимовичу Шелесту, что станет важным сигналом: Киев критикует Хрущева. А ведь именно украинская парторганизация считалась главной опорой Никиты Сергеевича. Среди киевских руководителей было много людей, им самим назначенных. Да и Шелест считался хрущевским человеком. Он даже внешне – приземистой фигурой, округлым грубоватым лицом и совершенно лысым черепом – напоминал Никиту Сергеевича...

Вызвать Хрущева в Москву решили под тем предлогом, что накопились вопросы по его последней записке о реорганизации сельского хозяйства, разосланной не только всем членам президиума ЦК, но руководителям краев и областей. Тут же возник вопрос: а кому звонить в Пицунду? Тоже испытание не из простых. Разговаривать с Хрущевым было страшно. Никита Сергеевич с членами президиума не церемонился, запросто мог послать по матушке.

Во время недавней поездки Брежнева в Берлин на партийном хозяйстве оставался Подгорный, напористый и бесцеремонный человек, выдвигенец Хрущева, недавний руководитель Украины. Но Николай Викторович наотрез отказался: он только что докладывал о текущих делах, и Никита Сергеевич удивится, почему накануне не сказал, что еще какие-то вопросы к нему возникли. Не дай бог, что-то заподозрит...

Сошлись, что звонить придется Брежневу. А кому еще? Он же остался за старшего. Около девяти вечера телефонистка коммутатора междугородней правительственной ВЧ-связи соединила его с государственной дачей в Пицунде. Хрущев взял трубку. Леонид Ильич, по описанию Шелеста, сильно волновался. Побледнел, губы посинели, говорил с дрожью в голосе. Выслушав его, Хрущев раздраженно сказал:

– Что у вас случилось? Не можете и дня обойтись без меня. Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, с ним посоветуюсь. Позвоните позже.

Этот час члены президиума ЦК, и без того взвинченные до предела, провели в подвешенном состоянии. От Хрущева, который на протяжении десяти

лет умело расставался со всеми соперниками и конкурентами, всего можно было ожидать. Через час Брежнев снял трубку телефона и вновь распорядился соединить его с Хрущевым. Никита Сергеевич ответил с нескрываемым недовольством:

– Хорошо, я завтра в одиннадцать утра вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем.

В тот день члены президиума, обсудив план операции, составили для порядка постановление, которое кажется невнятным и неясным. На самом деле оно имело вполне определенный и грозный для Хрущева смысл:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П 1130) «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации», разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для доклада пленуму итогов обсуждения вопросов на президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева»¹.

Записку первого секретаря ЦК, к которой в аппарате должны были относиться благоговейно, как к Библии, назвали «путанной»! Отозвав записку, президиум ЦК демонстрировал партийному аппарату на местах, что Хрущев больше не хозяин.

Тремя месяцами ранее, 11 июля, на пленуме ЦК Хрущев изложил новую идею, которую потом представил в форме развернутой записки. Он предло-

¹ Здесь и далее в аналогичных случаях, будучи по жанру не строго научной, а историко-публицистической, просветительской, статья не содержит ссылок на источники. (Примеч. ред.)

жил коренным образом реорганизовать управление прозябающим сельским хозяйством: под каждую отдельную отрасль создать собственное ведомство. Один главк занимался бы зерном, другой – мясом, третий – пушниной. Хрущев вслед за Сталиным полагал, что экономические проблемы решаются организационно-кадровыми методами: есть задача – создай ведомство. Но членов президиума ЦК напугало другое.

В последние месяцы Хрущев, похоже, осознавал, что придется менять политические механизмы. Чтобы колхозами перестали командовать, ликвидировал сельские райкомы, низвел партийный аппарат на селе до второразрядной роли парткомов производственных управлений. В предложенной им в 1964 году новой системе руководства аграрным комплексом партийным органам вообще не оставалось места.

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять, главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей и главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков ушли вперед. Министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко посоветовал послу:

– Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил входившим в его ближний круг Аджубею и Сатюкову:

– Слушайте, как вы думаете, что если у нас создать две партии – рабочую и крестьянскую? При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Посол понял, что надо отойти. Присоединился к министру иностранных дел и на ухо пересказал Громыко услышанное. Министр осторожно заметил:

– Да, это интересно. Но об этом никому не говори.

Как могли профессиональные партсекретари допустить слом системы?

О том, что членов ЦК вызывают в Москву, Никиту Сергеевича не оповестили. Иначе бы он сразу понял, что происходит. Летом 1957 года, когда его пытались снять «старая гвардия» – Молотов, Маленков, Каганович, Булганин, – он сам распорядился собрать членов ЦК. Когда они прилетали в Москву, доверенные люди Хрущева вводили их в курс дела, объясняли, какова расстановка сил и кого надо поддержать. Никита Сергеевич часто и с видимым удовольствием рассказывал, как он выиграл ту битву. Теперь его опытом воспользовались другие.

Перечисление в постановлении четырех фамилий – Брежнев, Косыгин, Суслов, Подгорный – свидетельствовало о том, кто именно управляет событиями. Фамилия Брежнева стояла первой, следовательно, ему и отводилась главная роль.

Это постановление отрезало мятежным членам президиума дорогу назад. Теперь уже никто из них не мог покаяться перед Хрущевым и, оправ-

диваясь, объяснить, что в его отсутствие они на заседании президиума «просто поговорили». Надо было идти до конца. Или они, или Хрущев.

Первым слово взял Брежнев. Хрущев совершенно не предполагал, что заседание президиума ЦК примет такой оборот. Все руководители партии и государства яростно атаковали Хрущева. Никогда в жизни он не слышал таких обвинений. Разговор шел на повышенных тонах. Товарищи по президиуму требовали, чтобы Хрущев добровольно ушел в отставку. Он сопротивлялся. Его заявление об уходе нужно было для того, чтобы избежать прений на пленуме ЦК. Если бы Хрущев настаивал на своей правоте, он теоретически имел бы право получить слово на пленуме.

Разумеется, это ничего бы не изменило. Члены ЦК, видя, на чьей стороне преимущество, проголосовали бы за его смещение. Но, возможно, нашлись бы двое-трое из старых друзей Никиты Сергеевича, кто выступил бы в его защиту. А задача состояла в том, чтобы все сделать спокойно, избежать полемики на пленуме, добиться единодушного одобрения отставки Хрущева, показать, что это воля всей партии.

Заседание президиума ЦК закончилось поздно вечером. Решили завтра продолжить заседание. Никита Сергеевич отправился к себе на Воробьевы горы. Он еще был первым секретарем и главой правительства. Но фактически его отрезали от внешнего мира. Об этом позаботился Семичастный. Никита Сергеевич не смог позвонить ни своей жене, которая лечилась на чехословацком курорте Карловы Вары, ни внучке Юле в Киев.

Личную охрану первого секретаря Семичастный сменил. Чекисты, которые были обязаны даже ценой собственной жизни защищать Хрущева, собрали свои вещи и исчезли. Никита Сергеевич не выдержал давления со стороны недавних товарищей. Ему было слишком много лет, и он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на заседании президиума уже не бойцом. На глазах у Хрущева появились слезы:

– Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы. Кто-то откликнулся:

– Зачем это делать? Не нужно.

– Если у вас пойдут дела хорошо, – сказал Хрущев, – я буду только радоваться и следить за сообщениями газет. Спасибо за совместную работу, за критику.

Пленум ЦК собрали в шесть вечера в Свердловском зале Кремля. К столу президиума первым вышел Брежнев. Стало ясно: он и будет руководителем партии. Хрущев сидел в президиуме, понурился. Ему было очень тяжело.

Два часа секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов перечислял «серьезные ошибки» Хрущева, особенно в сельском хозяйстве, поставив ему в вину

постоянные реорганизации и перестройки, «поспешность и несерьезность» в международных делах. Закончил иезуитски:

– Признавая правильной критику в его адрес, товарищ Хрущев просил разрешить ему не выступать на пленуме.

Никто из членов Центрального комитета не попросил слова. Единодушно освободили Хрущева от его высоких должностей. Кто-то предложил вывести его и из состава ЦК. Но это требовало тайного голосования, и никто рисковать не захотел: организаторов устроило бы только единодушное голосование, а его могло и не быть. Никита Сергеевич остался до очередного съезда партии членом ЦК и уехал домой.

Но почему они все решили избавиться от Никиты Сергеевича? История о том, как Хрущев утратил поддержку и расположение партийно-государственной элиты страны, долгая и запутанная.

Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядевший, Никита Сергеевич недооценен отечественной историей. Он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, но при этом живой и открытый. Он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Роль его в истории нашей страны еще не осмыслена, а личность не раскрыта. Статистика неопровержимо доказывает: десять лет, когда страной управлял Хрущев, были лучшими в советской истории. Вторая половина пятидесятых годов – время феноменальных достижений советской экономики. А дальше началось затухание экономического роста.

И вот главный показатель успешности развития страны при Хрущеве. В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце пятидесятых, при Хрущеве, произошел столь быстрый рост продолжительности жизни, что разрыв с Соединенными Штатами был почти полностью ликвидирован! А после Хрущева, при Брежневе, началось снижение продолжительности жизни у мужчин, и разрыв стал быстро нарастать...

Хрущев был, пожалуй, единственным человеком в послевоенном советском руководстве, кто сохранил толику юношеского идеализма и веры в лучшее будущее. Для него идея строительства коммунизма, уже вызывавшая в ту пору насмешки, не была циничной абстракцией. Тем он и отличался от товарищей по партийному руководству, которые давно ни во что не верили. Он хотел вытащить страну из беды, но уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом. Отсутствие образования часто толкало его к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна.

Хрущев много и охотно занимался международными делами. Члены президиума ЦК вдруг стали ходить чуть ли не на все приемы в посольства, даже на самые рядовые, куда обыкновенно и министр иностранных дел не приходит. Хрущев вразрез с мировой практикой во время коктейлей произносил тосты. На одном приеме после долгих рассуждений о соревновании капитализма и социализма разгоряченный Никита Сергеевич резюмировал свою страстную речь резкой фразой:

– Придет время, и мы вас похороним!

Эта фраза прогремела на весь мир. Ее восприняли как призыв к конфронтации. Скорее всего, Хрущев имел в виду историческую неизбежность победы коммунизма во всем мире. Но эти слова прозвучали угрожающе, потому что подкреплялись быстрым наращиванием военной мощи Советского Союза, а Хрущев говорил об использовании ядерного оружия как о чем-то вполне реальном.

Сын Никиты Сергеевича рассказывал: отец не хотел, чтобы мир понял, насколько он слаб. Был только один способ вселить если не уважение, то страх – напугать Запад бомбой. Хрущев блефовал, рассказывая, что у него больше оружия, чем на самом деле.

Зять первого секретаря Аджубей вспоминал, как Хрущев принимал редакторов западногерманских газет. Один из них спросил: сколько ракет нужно для полного уничтожения ФРГ? Хрущев позвонил в Генштаб. Выслушал ответ, положил трубку и сказал:

– Всего семь штук.

В служебном кабинете, на переговорах он держался иначе. Проницательные партнеры быстро определили, что Хрущев вовсе не таков, каким хочет казаться: большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева; когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим.

Экономист Станислав Михайлович Меньшиков внимательно наблюдал за Хрущевым во время поездки первого секретаря ЦК КПСС весной 1960 года в Индонезию:

«Следя за его поведением в эти напряженные часы и минуты, я, надо сказать, проникся к нему искренним уважением, настолько умело, кратко и немногословно он реагировал на возникавшие ситуации. Это был совсем не тот Никита, которого мы привыкли видеть по телевидению, с его не всегда грамотной, полной аффектации речью, грубоватой игрой на публику. Передо мной был сдержанный, опытный, даже мудрый политик».

Хрущев делал упор на личные контакты с руководителями других государств. Часто повторял:

– Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга?

В сентябре 1960 года Хрущев отправился на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Он был сильно недоволен деятельностью ООН, где большинство стран голосовало против Советского Союза, пытался сместить тогдашнего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, предлагал перевести штаб-квартиру из Нью-Йорка в какое-нибудь другое место. Никита Сергеевич присутствовал на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, хотя руководители государств обычно не тратят на это времени. Но Хрущев полностью отдался новому для него делу. Он словно вернулся в годы юности, когда сражался на митингах с противниками линии партии.

В первый раз Хрущев стал скандалить, когда выступал представитель Филиппин, который говорил о том, что Советский Союз аннексировал Прибалтику и подавил народное восстание в Венгрии. Хрущев, вспоминая его переводчик Виктор Суходрев, пытался топтать ногами, но на полу лежал ковер. Тогда он принялся стучать кулаками по столу. Отчаянно барабанил и сидевший рядом с ним Громыко. Впоследствии Андрей Андреевич станет рассказывать, что он этого не делал и, напротив, пытался успокоить Хрущева. На самом деле он старался не отставать от своего лидера – лояльность хозяину всего важнее.

А на следующий день Хрущев стал стучать по столу башмаком, когда выступал представитель франкистской Испании. Потом Хрущев объяснял это по-разному. Но сразу после этой истории он сказал откровенно: он так стучал кулаками, что у него часы остановились. И это его совсем разозлило.

– Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать.

Он потребовал слова, вышел на трибуну и стал кричать:

– Франко установил режим кровавой диктатуры и уничтожает лучших сынов Испании. Настанет время, народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!

Председествовавший на заседании ирландец Фредерик Боланд пытался его остановить:

– Выступающий оскорбляет главу государства Испании, а это у нас не принято.

Хрущеву никто не перевел эти слова. А он решил, что председательствующий вступился за испанца, и накинулся на Боланда:

– Ах вот как? И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма? Так вот я вам скажу: придет время, и народ

Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Обычно сдержанный и невозмутимый, Фредерик Боланд закричал, что лишает Хрущева слова. А тот продолжал говорить, хотя микрофон у него отключили. Он покинул трибуну только тогда, когда Боланд просто вышел из зала и заседание прервалось. К Хрущеву бросился генерал Захаров, начальник Деятого управления КГБ (охрана руководителей партии и правительства), он не на шутку боялся мести пылких испанцев. Захаров проводил Хрущева на его место.

Громыко впоследствии скажет, что это был позор, когда Хрущев стучал ботинком. Но в тот момент министр был готов идти с хозяином до конца, хотя губы у него были белые: подобного скандала Организация Объединенных Наций еще не знала.

15 октября 1960 года на заседании президиума ЦК Хрущев отчитался о поездке в Нью-Йорк. Громыко добавил, что поездка «намного укрепила наши внешнеполитические позиции». Слово получил и сопровождавший Хрущева главный редактор «Правды» Сатюков.

– Западники вопили, что разрушаются парламентские традиции, – сообщил Сатюков. – Но поездка товарища Хрущева является самой великой поездкой. Резонанс в мире огромный, победа колоссальная.

С трибуны партийного съезда об истории в ООН рассказал Аджубей:

– Там годами царила тошнотворная атмосфера парадности и так называемого классического парламентаризма. Советская делегация развеяла эту мертвящую скуку... Когда уставали кулаки, которыми делегаты социалистического лагеря барабанили по столам в знак протеста, находились и другие способы для обуздания фарисеев и лжецов. Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал им стучать по столу. Зал партийного съезда взорвался аплодисментами.

– Причем, – продолжал Аджубей, – Никита Сергеевич ботинок положил таким образом – впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании, – что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость!

Весьма популярна приписываемая Уинстону Черчиллю фраза о Сталине: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Черчилль, правда, никогда этого не говорил. Владеющий английским может проштудировать его сочинения и сам в этом убедиться.

В реальности Сталин «принял страну» не с сохой, а в период расцвета НЭПа, когда Россия не только сама себя кормила, но и экспортировала хлеб. А вот Хрущев принял у Сталина страну полуголодной.

– Хлеб продавали за границу, а в некоторых районах люди пухли от голода, – вспоминал Никита Сергеевич. – Да, товарищи, это факт, что в сорок седьмом году в ряде областей страны, например в Курской, люди умирали с голоду. А хлеб продавали.

В 1953 году собрали всего тридцать миллионов тонн зерна. По потреблению продуктов на душу населения страна оставалась на дореволюционном уровне. Первый секретарь столичного горкома Екатерина Алексеевна Фурцева после смерти Сталина говорила на пленуме ЦК:

– Возьмите Москву, которая всегда находилась в более благоприятных условиях по сравнению с другими городами страны. Даже в Москве до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью – около 40% картофеля и прочего.

Сталин разорил деревню. По сравнению с 1928 годом, последним до массовой коллективизации и раскулачивания, поголовье скота уменьшилось, а население-то росло! После войны крестьян еще и обложили непосильными налогами. Чтобы не платить, они забивали скот, отказываясь даже от коровы (а это молоко для детей!), вырубали сады и деревья.

– Я ездил в родную деревню, – вспоминал Хрущев, – зашел к двоюродной сестре. У нее хороший сад. Я ей говорю: «У тебя замечательные яблони». А она: «Осенью срублю из-за налогов».

Результат? В августе 1953 года на пленуме ЦК выяснилось, что после повышения налоговых ставок денег в бюджет стало поступать меньше.

– А мы содержали огромную армию фининспекторов, которые ходили по дворам и собак дразнили, – доложил на пленуме Хрущев товарищам по партии. – Люди покупали поросенка, старались подкормить, пока фининспектор не пришел, а за день до прихода – зарезать. Зачем это нужно? Что же это – наши враги? Что в том, что человек откормил поросеночка пудов на пять-шесть, сам скушал и на рынок дал? Разве это плохо? Разве это угрожает нашему социалистическому строю? Нет. Глупость была.

Крестьяне бежали из деревни, уже выращенный урожай пропадал.

«Взрослые мужчины и женщины уходили из колхозов в города и промышленные центры, в колхозах оставались только престарелые и дети, – рассказывал Александр Михайлович Пузанов, который в 1952 году стал главой правительства РСФСР. – Уборочные работы проводились силами МТС, рабочих городских предприятий и студентов. Не только мяса, молока и масла, хлеба даже в крупнейших городах и промышленных центрах не было. Тысячные очереди очень часто образовывались с вечера!»

Первый секретарь Смоленского обкома Павел Иванович Доронин на пленуме ЦК вспоминал, как они с Ворошиловым ездили по области. Потрясенный увиденным, Климент Ефремович сказал: тут хоть Карла Маркса посади, и он ничего не сделает, колхозы доведены до ручки.

– Вы совершенно правильно говорили, – напомнил ему Доронин, – что такое положение могло случиться потому, что члены политбюро и Сталин не представляли и не знали, как живет народ. Говорили, Климент Ефремович?

– Говорил, – подтвердил Ворошилов.

– Положение в сельском хозяйстве на Смоленщине было страшное, – рассказал Доронин. – Я могу пленуму назвать такие цифры: за 1951–1953 годы из области ушло сто тысяч колхозников. Причем как уходили? Сегодня в колхозе пять бригад, завтра четыре. Ночью бригада секретно собиралась и уезжала, заколотив все дома...

Освоение целинных земель началось потому, что руководители страны во главе с Хрущевым не нашли иного способа быстро накормить страну. Хрущев упрекал соратников:

– Товарищи, не стыдно нам? Живем на даче, на улицу выходим, гуляем, колхозники смотрят и, видимо, говорят – наши руководители живут неплохо, а колхозы самые задрипанные, стыдно смотреть... Урожай картошки в нашей стране очень низкий. Почему, товарищи?.. Дожили до того, что капуста у нас в одной цене с бананами. Это позор!

– И то не хватает, – мрачно заметил один из членов президиума.

– Бананы завозят, а капусту не завозят, – объяснил ему Хрущев.

В зале оценили шутку первого секретаря ЦК.

– Мы сейчас робко продаем муку, чтобы блины печь, – рассказал Никита Сергеевич. – А какое же это удовлетворение потребностей – без блинов? Мы, товарищи, переходим постепенно от социализма к коммунизму. Представьте, какой-то дядька на митинге спросит: при социализме блинов нет, а при коммунизме будут? Это смешно, но муку не продаем. Это позор! Кашу, товарищи, по рецепту дают, потому что крупы пшениной нет, гречневой нет. Куда это годится?

Никита Сергеевич достаточно точно представлял положение дел на селе. Некоторые сведения при нем стали открыто публиковаться. Другие цифры Центральное статистическое управление присылало ему лично – в секретных пакетах. Людям не полагалось знать, что по численности поголовья скота и потреблению продуктов на душу населения страна не преодолела дореволюционный уровень. Естественно, скрывались и цифры эффективности животноводства в сравнении со странами Запада.

Хрущев хотел хотя бы досыта накормить страну! И дать жилье, поэтому затеял массовое жилищное строительство – впервые за все годы советской власти. Сталин не строил жилые дома. Его интересовали только крупные

проекты. Хрущев прекратил массовые репрессии. Лагеря опустели. Ему претили сталинские преступления. Следующим шагом должна была стать полная смена кадров, расставание с теми, кто так или иначе соучаствовал в преступной политике. Но убрали только самых одиозных.

Первому секретарю клали на стол документы о соучастниках сталинских репрессий. Там значились имена людей, сохранявших высокие посты. Никита Сергеевич как политик делал циничный выбор: тех, кто еще был нужен, оставлял, с остальными расставался. Эта двойственность сказывалась во всем. Люди, которых следовало посадить на скамью подсудимых, остались на руководящих постах. Могли они искренне бороться за преодоление преступного прошлого?

«Тот факт, что господин Хрущев на последнем партийном съезде осудил мертвого Сталина, многие сочли признаком изменения идеологии, – отмечал министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Брентано. – А что, собственно, случилось? Люди, которые в течение десятилетий были ближайшими сотрудниками и сообщниками некоего господина Сталина, теперь, проявляя прямо-таки отвратительную лживость и лицемерие, отмежевываются от того, что они делали при нем и вместе с ним».

И тем более Хрущев не в состоянии был осудить саму политическую систему, которая сделала эти преступления возможными. Смысл хрущевского доклада на XX съезде КПСС сводился к тому, что вся вина за преступления ложится на Сталина и нескольких его подручных – Берию, Абакумова и других. Главное было не допустить и мысли о том, что массовые репрессии стали порождением сталинской системы. Ведь в таком случае следовало бы ставить вопрос о демонтаже всей системы. Поэтому в Москве так не понравились слова лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти о том, что сталинизм – не опухоль, случайно возникшая на здоровом теле, а признак процесса, который привел к вырождению отдельных частей социалистического организма:

«Ошибки Сталина, вне всякого сомнения, были связаны с чрезмерным увеличением роли чиновничьего аппарата в политической и экономической жизни Советского Союза, возможно, прежде всего в самой партии».

Именно признаки вольнодумства в обществе породили антихрущевские настроения истеблишмента: антисталинская критика разрушительна для социализма, и эту критику надо остановить. Довольно быстро партийные секретари сообразили, что, разрешив критиковать Сталина и престу-

пления его эпохи, они открывают возможность обсуждать и критиковать и нынешнюю власть, и саму систему. Теперь уже в разоблачении сталинских преступлений видели одни неприятности, и ЦК занялся ликвидацией идеологического ущерба.

На серьезные реформы Хрущев не решился. Не мог себе представить реальную демократизацию, рыночную экономику или свободу слова, которую он танками подавил в 1956 году в Венгрии. И для его окружения, людей необразованных и ограниченных, не представляющих себе жизни по другую сторону железного занавеса, все это было каким-то проклятием.

И все же динамичная политика Хрущева открыла новые возможности. Не случайно хрущевские годы стали временем расцвета литературы и кинематографа. Молодежь откликнулась на его порыв к искренности. Освобожденное от страха и сталинских оков общество оживило. Но репутация Хрущева была подорвана денежной реформой, повышением цен. Он утратил свой ореол «народного заступника» от бюрократов и чиновников. А свергли его потому, что страха он не внушал – сам избавил от него страну.

И он совершил немало тактических ошибок. Он пренебрежительно относился к госбезопасности и хотел, в частности, снять с чекистов погоны, превратить КГБ в гражданское ведомство. Хрущев многих против себя настроил тем, что руководящий состав КГБ держал в черном теле. Как и вооруженные силы: тысячам офицеров пришлось уйти из армии. 14 мая 1956 года советское правительство приняло решение сократить вооруженные силы на миллион двести тысяч человек, расформировать шестьдесят три дивизии и отдельные бригады, закрыть часть военных училищ, законсервировать триста семьдесят пять боевых кораблей.

Уменьшение армии пошло стране на пользу. Но программы трудоустройства уволенных в запас не было. Молодые люди, сняв форму, не могли найти достойной работы. Офицеры обиделись.

Хрущев добился принятия на XXII съезде в октябре 1961 года нового устава партии, который требовал постоянного обновления руководящих партийных органов. Состав районного комитета предстояло на каждых выборах обновлять наполовину, обкома – на треть, ЦК КПСС – на четверть. Вот почему чиновники ненавидели Хрущева и поддерживали Брежнева, который позволял им занимать свои кресла по пятнадцать лет.

Кончилось это тем, что Хрущев умудрился настроить против себя решительно всех, обзавелся таким количеством врагов, что уже не мог всех одолеть. 17 сентября 1964 года, проводя перед отпуском заседание президиума ЦК, он завел речь о том, что надо решать, когда собирать очередной съезд партии – в конце шестьдесят пятого или в начале шестьдесят шестого. И распорядился:

– Подбор людей теперь уже наметить.

Первый секретарь ЦК КПСС уже в который раз выразил недовольство тем, что в высшем эшелоне власти и управления скопилось слишком много пожилых людей. Он не предполагал тогда, что очередной съезд пройдет без него самого. Уже сговорившиеся между собой члены президиума слушали Никиту Сергеевича с преувеличенным вниманием. И месяца не пройдет, как Хрущева уберут из главного кремлевского кабинета...